

УНИВЕРСИТЕТ
ЧЕЛОВЕКА

ИНСТИТУТ ЧЕЛОВЕКА КАК ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИДЕЯ И ЕЕ СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ

© 2017

М.С. Киселева

Сколько наук о человеке,
а создать бы Институт Чело-
века и эти науки объединить!

Максим Горький

**Киселева
Марина**

Сергеевна —
доктор философ-
ских наук, профес-
сор, главный науч-
ный сотрудник Ин-
ститута философии
РАН. Постоянный
автор журнала.
E-mail: markiseleva
@gmail.com

В сентябре 1973 года в Варне (Болгария) проходил XV Всемирный философский конгресс на тему “Наука, техника, человек”. Основные идеи доклада чл.-корр. Академии наук СССР И.Т. Фролова на этом Конгрессе были опубликованы им в статье “Современная наука и гуманизм” [21]¹. Известны наброски того времени к размышлениям автора о необходимости разработки “единой науки о человеке”: «Социальные проблемы науки: “детская забава” > атомные исследования. После “века биологии” > “век антропологии”. Необходимость единой науки о человеке, интеграция не сводится лишь к философской антропологии. Институт человека (А.М. Горький)...» [12, с. 115]. Это последнее замечание — указание на Горького в связи с упоминанием “Института человека” — вызывает законный вопрос: почему Фролов вспоминает именно Горького? Стоит поискать на него ответ.

Останемся в пределах традиционной истории идей и рассмотрим как, когда и при каких обстоятельствах появилась и осуществлялась идея “Института человека” в творчестве и общественной деятельности известного писателя Максима Горького в социальной и культурной истории конца Российской Империи и первых лет Советского государства — идея, которую писатель осмыслил и художественно, и публицистически, а также старался продвигать институционально.

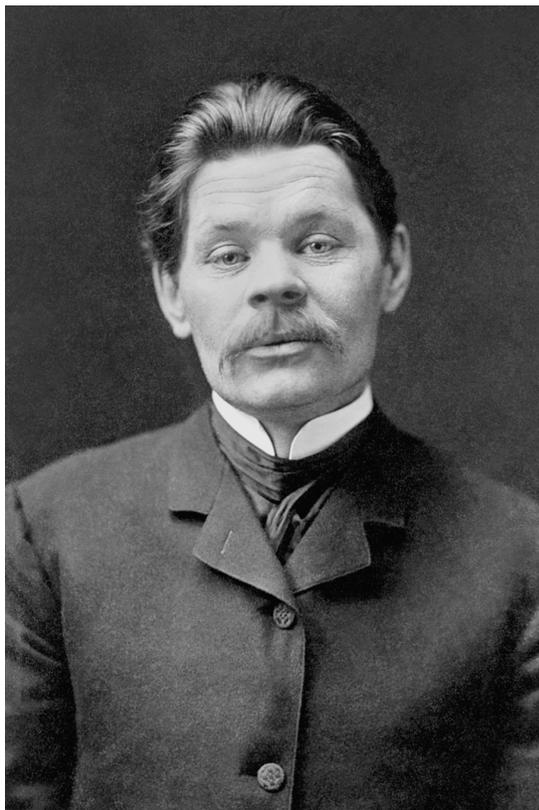
Начну с цитаты. “В часы усталости духа, — когда память оживляет тени прошлого и от них на сердце веет холодом, — когда мысль, как бесстрастное солнце осени, освещает грозный хаос настоящего и зловеще кружится над хаосом дня, бес- сильная подняться выше, лететь вперед, — в тяжелые часы усталости духа я вызываю пред собой величественный образ Человека” [9, с. 35]. Так звучит начало небольшой двучастной

¹ См. подробнее об этом в [12, с. 113–118].

поэмы-верлибра М. Горького “Человек” (1903), в которой поэтически и “метафизически” было уловлено ментальное состояние России начала XX века. Это время преддверия первой русской революции, что почуяла самодержавная власть, попытавшись поднять свой авторитет неудачной военной компанией на дальневосточных рубежах Российской Империи. Это время развития капитализма, положившее начало социальной стратификации общества и серьезным изменениям его структуры: ухудшению жизни бедных слоев населения и, вместе с тем, обновлению и расцвету городов в разных концах огромной страны, строительству железных дорог, возникновению новых промышленных, торговых и финансовых институций. Это время зарождения искусства модерна, усвоения уроков Ф. Ницше, утраты надежд на собственные силы и разочарования в возможностях перемен российской культуры и поисков новых открытий творческой интеллигенции: русского символизма, экзальтации, богоискательства, мистики. Позже русская поэзия того времени получит свое особенное имя — Серебряный век...

В этом контексте голос Горького звучал совсем в другом регистре — его Человек смел, тверд и... “рационален”.

Вторая часть горьковской поэмы обращена к Мысли. По Горькому, это — сущностная субстанция Человека, опора, критическое и преобразующее начало, способное уберечь от заблуждений и ошибок. Именно Мысль инициирует творчество горьковского Человека, открывает дорогу к новой жизни. Это почти библейский парафраз, произносимый от имени творения, но не Творца: “Я создан Мыслию...” [там же, с. 40]. Человек, как создание собственной Мысли, понимает и принимает на себя цель, заложенную в творении — разрушение старого, грязного и злого, чтобы “новое создать на выкованных Мыслию незыблемых устоях свободы, красоты и — уваженья к людям!” [там же, с. 40–41]. Социальная составляющая, как видим, сильна и также находится в поле зрения человеческой Мысли: “Бесмысленна, постыдна и противна вся эта жизнь, в которой непосильный и рабский труд одних бесследно, весь уходит на то, чтобы другие пресыщались и хлебом и дарами духа! <...> Мое оружие — Мысль, а твердая уверенность в свободе Мысли, в ее бессмертии

Алексей
Максимович
Горький
(1868–1936)

О. Роден.
Бронзовый век.
1875–1876

интересующей нас проблемы. Перенесемся во Францию середины 1870-х годов, где Огюст Роден (1840–1917), в будущем известный и признанный миром скульптор, искал и открыл новое пластическое решение своего понимания Человека. Его взгляд и обретенное мастерство позволяют явить в скульптуре глубины внутренней энергии человека достаточно “экономными” методами — через философски продуманный жест и пластически осмысленную позу. Человек Родена как бы “выговаривает” самого себя через тело. Роденовское открытие человека прозвучало и было услышано, несмотря на всю полемику и даже обвинение критиками автора в том, что он сделал слепок с натурщика. В скульптуре “Бронзовый век” (другое название — “Доисторический человек” или “Человек ранних времен”, 1875–1876) Роден прикасается к *самой жизни*, ее начальному *человеческому* импульсу, с которого начинается последующая многотысячелетняя длительность человека в истории. Р.М. Рильке в том же 1903 году, когда Горький творит своего “Человека”, в эссе, посвященном творчеству Родена

и вечном росте творчества ее — неисчерпаемый источник моей силы! — Мысль для меня есть вечный и единственно не ложный маяк во мраке жизни, огонь во тьме ее позорных заблуждений; я вижу, что все ярче он горит, все глубже освещает бездны тайн, и я иду в лучах бессмертной Мысли, вослед за ней, все — выше! и — вперед!” [там же, с. 41]. Нельзя не отметить, что Горький, увлекшись идеей творения Мыслью человека, не избежал еще одного евангельского мотива — о подобии человека Богу, однако кардинально изменил его смысл. Поэтическая возгонка просветительского тезиса о том, что страх человека порождает богов, опиралась на антихристианскую идею Ницше, что и позволило Горькому уподобить Человека богам (заметим это множественное число!): “и буду я подобен тем богам, что Мысль моя творила и творит” [там же, с. 42]. Человек в этих поэтических одеждах — Творец, а его Мысль — бессмертна, светоносна, открывает тайны, уберегает от заблуждений...

* * *

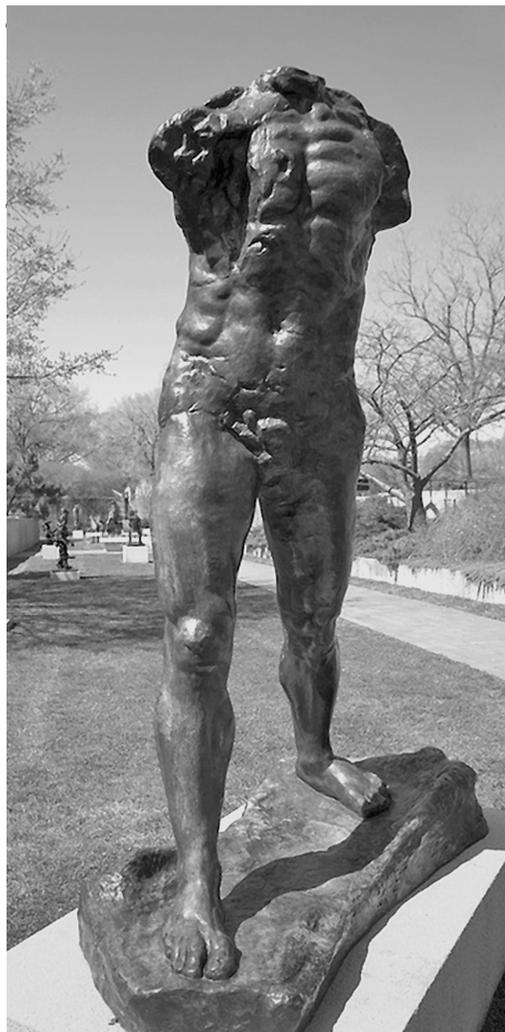
Позволю себе отступление, чтобы существенно расширить контекст ин-

на, писал о “Человеке ранних времен”: “Он <...> как будто идет спросонок по простору этого произведения <...>. Неуверенно распускается он в поднятых руках, и руки эти еще так тяжелы, что одна из кистей уже отдыхает на высоте головы. Но она больше не спит, она сосредотачивается; на самом вер-ху, на вершине мозга, в уединении готовится она к работе, ра-боте столетий, которой нет ни конца, ни края. А в правой но-ге застыл в ожидании первый шаг” [16, с. 20]. И этот шаг был сделан в следующих связанных между собой работах скульп-тора: “Шагающий” (“Идущий”, 1877) как этюд, а затем в са-мой работе “Иоанн Креститель” (1878). Уверенный в своем шаге человек (без рук и головы) занимал Родена, прежде все-го, как пишут искусствоведы, исследованием техники пласти-ческого воплощения идущего человека. Но “Иоанн Крести-тель” с его жестом обращения “говорящей” руки и оглядыва-ющимся движением глаз заставляет зрителя услышать запечатленное в материале Слово как особый род движе-ния — движения мысли человека к Высшему.

В сорок лет Роден впервые получил заказ от государства на создание скульптурного портала здания нового Музея декоративного искусства в Париже. Портал, по замыслу Родена, дол-жен был стать “Вратами ада”, но мастер не выполнил работу в указанный пятилетний срок. Музей не был открыт, Роден же продолжал работать над Вратами более двадцати лет. Централь-ную фигуру портала, по первоначальному замыслу, Роден назвал “Поэт”. Литературным источником работы послужила “Божест-венная комедия” Данте, который, как писал мастер в письме критику и искусствоведу Эдмонду Базиру, “мог в едином слове передать движение” [там же, с. 370]. Обнаженный, сидящий на камне, глубоко ушедший в свои мысли человек, лишь пальцами ног крепко вцепившийся в земную поверхность, по замыслу Ро-дена, и есть автор литературного шедевра — великий Данте, со-здатель картин Ада, которые скульптор переводил на язык пла-стики и воплощал в бронзе. Многочисленные скульптурные ком-позиции человеческих тел — застывший кинематограф страстей, грехов и страданий человека за спиной Данте, творца и свидете-ля этих страшных сюжетов.

Со временем замысел Родена изменился, и образ Поэта-Данте перевоплотился в универсальный образ Человека, мысль которого держит его во внутреннем напряжении и ведет в не-изведанные бездны света и мрака. Скульптура стала называть-ся “Мыслитель” и получила свободу от уготованного ей места предвирать или сторожить Ад². Роден-философ открыл худо-жественный способ воплощения единства двух субстанций — тела и мысли, которые задолго до него развел как принципи-ально несоединимые его великий соотечественник Рене Де-карт. Рильке дал свой поэтический образ роденовского “Мыс-лителя”: “Все его тело превратилось в череп, вся кровь в его жилах стала мозгом” [там же, с. 28]. Человек — мыслящая суб-

² Впервые “Мысли-тель” был выставлен в Копенгагене в 1888 году. К 1902 году скульптура бы-ла увеличена и отли-та в бронзе, а в 1904 году представлена в Парижском Сало-не. Через два года бронзовый “Мысли-тель” был установ-лен у Пантеона в Па-риже. Выступая на открытии, Роден сказал, что “Мысли-тель” является па-мятником... фран-цузским рабочим. От Пантеона, через пять лет после смер-ти скульптора в 1917 году, бронзу пере-несли в музей Роде-на в Отель Бирон. В Медоне на его мо-гиле также установ-лена эта скульптура. В XX веке она разо-шлась в многочис-ленных копиях по всему миру.

О. Роден.
Шагающий (1877)
и Иоанн
Креститель (1878)
(справа)

станция, но его мысль может быть телесно воплощена. Запомним это художественное открытие начала XX века.

И еще одна скульптура позволяет, как мне представляется, утвердиться в антикартезианском понимании роденовского решения “мыслящего тела”. В 1892–1893 годах Роден создает небольшое мраморное изваяние и дает ему название “Мысль”. Сосредоточенная, чуть наклоненная женская голова в капоре — белый мрамор как будто создает защитную ауру, чтобы не нарушить мыслительной сосредоточенности. Мастер лепил эту голову с Камиллы Клодель, талантливейшей ученицы, с которой у него был бурный и драматический роман. Ученица стала самостоятельным и очень интересным скульптором, ее работы выставлены в музее Родена в парижском Отеле Бирон.

Рильке увидел в роденовской “Мысли” пробуждение от “тяжелого сна тупой длительности” [там же, с. 29]. На мой

М. Киселева
Институт
человека как
интеллектуальная
идея

О. Роден. Мысль.
1892–1893

взгляд, в ней — другое. Роден выразил свое понимание мысли, мысли скульптора, внимательно всматривающегося в мир перед собой. Взгляд скульптора всегда направлен, сосредоточен; рассматривая роденовскую “Мысль”, мы не можем “поймать” взгляда, но нам очевидно, что этот взгляд направлен во вне, в мир, который затем схваченный в нужный образ уходит в сознание творящего мысль-вещь. Роден, как мне представляется, предугадал в этой работе философское направление, которое получит свое признание в европейской культуре начала XX века, найдет своих последователей и в России. Феноменологическую интенциональность, направленность работающего сознания — вот что угадал Роден в своей “Мысли”.

О. Роден.
Мыслитель (Врата
ада). 1880–1882

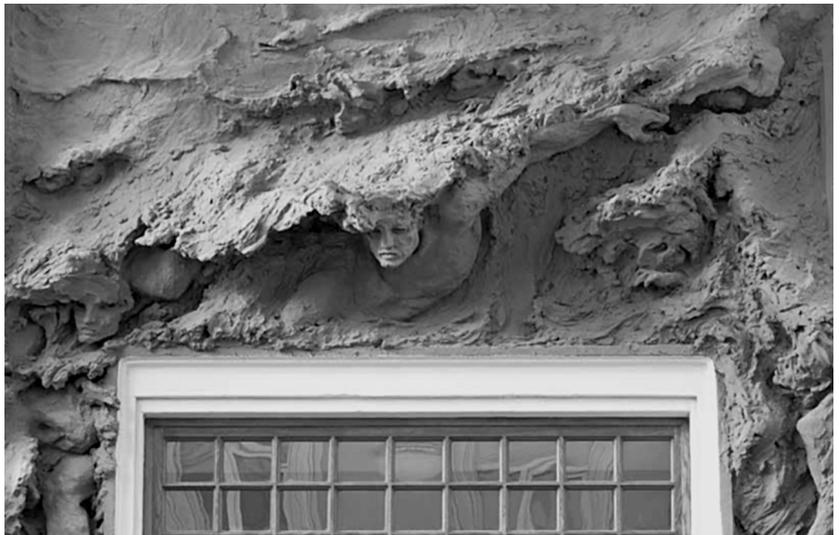

У Родена была ученица из России — Анна Голубкина, уехавшая в Париж в 1895 году. Вернувшись в Россию в 1901 году, она создала горельеф “Пловец” (другие названия — “Море житейское”, “Волна”, “В волнах”) который был установлен в 1903 году над порталом Художественного театра в Камергерском переулке Москвы. Напомню, что Горький был к этому времени одним из ведущих сценаристов этого театра: 18 декабря 1902 года состоялась премьера его пьесы “На дне”. Режиссерами спектакля были К.С. Станиславский, который также исполнял роль Сатина, и В.И. Немирович-Данченко. “Песню о Буревестнике” Горький написал в 1901 году; для современников в предреволюционной России образная переключка литературного и пластического произведений, была очевидна не только в их художественном, но и общественном планах. А в 1903 году Голубкина создает скульптуру “Идущий”, в которой нельзя не увидеть влияние учителя, но в российском духовном контексте ее можно воспринять как пластическую иллюстрацию к горьковской поэме “Человек”.

Интерес к человеку и выявление новых смыслов его человеческой природы позволяет говорить об определенной общей направленности проблем, занимавших творческие умы в начале XX века как Европы, так и России.

А. Голубкина.
Идущий. 1903

А. Голубкина.
Пловец. Рельеф на
здании МХТ. 1903

Вернемся к Горькому. Восприятие поэмы “Человек” в писательских кругах Москвы и Санкт-Петербурга после публикации ее в Сборнике “Знание” за 1903 год было неоднозначным. Одни видели в тексте дидактизм и проповедничество (А.П. Чехов), другие — ницшеанские идеи Сверхчеловека (В.Г. Короленко). Л.Н. Толстой обвинил автора в “учительстве” и вменил ему “упадок”, видимо, его творческих возможностей (“Упадок это, самый настоящий упадок; начал учительствовать, и это смешно...” [11]). В том же духе высказался В.Я. Брюсов: “это ряд довольно банальных и крикливо риторических восторгов перед могуществом человека” [2, с. 49]. Символисты готовы были и вовсе поставить точку в писательском деле Горького. З. Гиппиус утверждала, что его погубило социал-демократическое мировоззрение; называла это произведение “безмысленным и бессмысленным”; говорила, что Горький «всю жизнь только и писал “Человека”, — только его и проповедовал, как достойный апостол», между тем спасение не в человеке, а в Боге [13, с. 250–251]. С последним соображением можно было бы и согласиться, если принять во внимание, что апостольская проповедь — не только призыв к вере, но и критическое обращение к человеку как Божьему творению. Горький между тем писал переводчикам этого произведения на испанский язык, что в нем «воплощена и развита главная мысль драмы “На дне”» [7, с. 231].

Надо сказать, что и современные “горьковеды” плохо воспринимают поэму “Человек” как художественное произведение, отмечая, однако, ее концептуальность: “Эта поэма при всем ее художественном несовершенстве воплотила горьковскую концепцию Человека, выработанную в процессе освоения культурного наследия прошлого, при взаимодействии и взаимоотталкивании с философско-эстетической концепцией модернизма” [18, с. 17].

Поэма, однако, получила у современников и положительные отклики. Старейший критик В.В. Стасов в отличие от молодого поколения писателей поставил это произведение в ряд с созданиями Дж. Байрона и В. Гюго и оценил его как “одно из капитальнейших и глубочайших творений Горького”. Он писал: “Какая ширина и объем мысли, какая красота и сила, какая поэзия картин, какая сжатость и скульптурность выражений! Эта вещь — одно из наиважнейших и оригинальнейших созданий всей русской литературы” [19]. Разумеется, социал-демократы увидели в образе идущего “вперед и выше” человека товарища по борьбе и прочли поэму в революционном духе, о чем писал партийный журнал “Правда”. Сам же Горький с любовью относился к этой поэме, охотно читал ее в разных собраниях и выступлениях перед публикой.

Остановимся в наших примерах и попробуем взглянуть на этот текст несколько иначе, не как на литературное произве-

дение в потоке творчества русских писателей Серебряного века. Посмотрим на него, имея в виду иные времена и иные исторические реалии. После двух революций 1917 года, Гражданской войны, голода и страшного опыта военного коммунизма, расстрелов и высылки оставшейся в живых интеллигенции за рубежи отечества, Горький в 1921 году уехал за границу и в 1924 году снова поселился в Италии. В письме своему биографу И.А. Груздеву от 10 марта 1926 года он опять возвращается к теме человека и вспоминает свою поэму 1903 года: «...человек должен усложнять, а не упрощать себя. Героизм <...> в силе воли человека, ведущей его “вперед и выше”. Вы знаете, что это мое старое и, может быть, только это и есть у меня» [3, с. 41]. Обратим внимание на это признание не столько собственных достижений в понимании феномена человека, сколько, думается, в глубоко личном и давнем переживании этой проблемы.

Однако, если еще раз внимательно обратиться к тексту поэмы “Человек”, то обнаружится отсутствие в ней слова “воля”. Горьковский Человек — не “волевой”, а мятежный, поднятый на мятеж против самого себя своею же Мыслью. Волевое начало — это, скорее всего, поправка постреволюционного времени. Горьковская идея 1903 года — главенство мысли над человеком приобретает характер волевого усилия в работе над собой. “Усложнение себя” не может произойти помимо работы мысли человека — это и есть процесс продумывания. Во всяком случае, эта идея — человека думающего, а потому не согласного на упрощения себя, — видимо, не отпускает Горького. Как показывает текст поэмы, мысль и только мысль необходима и достаточна для того, чтобы возникло понимание человеком и мира, и себя, чтобы сам человек смог состояться как Человек.

Но что же остальные составляющие человека? Мысль, по Горькому, плохо ладит с опутывающими и отвлекающими от *промысленного движения* вперед чувствами. Позволим себе еще раз обратиться к тексту. В поэме ни Любовь, ни Надежда, ни Вера, ни прочие состояния духа Человека, за которыми стоит Смерть, не помогают ему, а лишь становятся тормозом на его человеческом пути (и это тоже вменяли в вину писателю его критики). “Его — всегда голодная — Любовь; вдали, за ним, прихрамывает Дружба; пред ним идет усталая Надежда; вот Ненависть, охваченная Гневом, звенит оковами терпенья на руках, а Вера смотрит темными очами <...> Он знает всех в своей бессмертной свите, и, наконец, еще одно он знает — Безумие... Крылатое, могучее, как вихрь, оно следит за ним враждебным взором и окрыляет Мысль своею силой, стремясь вовлечь ее в свой дикий танец... И только Мысль — подруга Человека, и только с ней всегда он неразлучен, и только пламя Мысли освещает пред ним препятствия его пути, загадки жизни, сумрак тайн природы и темный хаос в сердце у него” [9, с. 36].

Столь высокая ставка Горького на Мысль, способную вести человека по жизни, мне представляется объяснимой, прежде всего, обстоятельствами биографии писателя. Вырвавшись из низовой ремесленно-купеческой среды мещан провинциального Нижнего Новгорода, пройдя своими ногами пол-России, живя в нищете, видя безграмотность простых людей, нечеловеческие условия их существования, полное равнодушие друг к другу, поощрявшее воровство, зависть, драки и злобу, Горький мог надеяться только на мысль. Он открыл для себя силу просвещенного разума как путь к избавлению от “грязи” в человеческих отношениях. Образ мыслящего человека становится под пером Горького *интеллектуальной идеей, выраженной поэтическим языком*. И я настаиваю именно на этой оценке. Читая сегодня его поэму, видишь ее равноудаленное расстояние как от призыва к немедленным революционным действиям, так и от погружения в темные мистические глубины чувственного человеческого опыта или крайний нигилизм Ницше. Все эти крайние оценки его современников — “вычитывание” в тексте Горького своих интересов, своего видения реальности. Горький же, как писатель с явным даром и малым системным образованием, очень точно оценивал сущностное в человеке как через собственный жизненный опыт, так и наблюдая тяжелый труд людей пореформенной России. Он ценил просвещенный ум и сильную мысль, по себе зная, к чему ведет отсутствие способности мыслить самостоятельно и желания понимать себя и других.

Начавшееся взросление Алексея Пешкова проходило “в людях” русского мещанского мира конца XIX века, следующий этап — “мои университеты”, как назвал его сам писатель, не привели его на университетскую скамью. Имея от природы живой и острый ум, наблюдательность и способность к мгновенным реакциям, он понял, что только мыслительная работа над самим собой, только расширение своего собственного понимания этого мира способны изменить человека. И на этом пути его, как писателя, поджидала серьезная проблема. Проблема столкновения художественно-эстетической стратегии освоения мира и научно-практической. Я не берусь оценивать творчество Горького как писателя. Это совсем не моя задача. Я хочу только сказать, что созданный им образ Человека Мыслящего, движущегося “вперед и выше” есть воплощение в художественной форме прочувствованной и осознанной им *идеи, интеллектуальной по своему содержанию*. Эта идея должна была привести писателя в сферу науки, но не как ученого, а скорее как культуртрегера. Интересно, что еще 21 февраля 1902 года, следовательно, во время формирования замысла поэмы “Человек” Горький был избран почетным членом Императорской Академии наук. Однако его избрание было аннулировано правительством по требованию императора Николая II³. Свой протест и поддержку Горького выразили А.П. Чехов и В.Г. Короленко, отказавшиеся

³ Н.А. Сысоев, исследователь творчества Чехова, писал:

«В феврале 1902 года на очередных выборах Алексей Максимович Горький был избран в почетные академики. Это избрание вызвало недовольство со стороны Николая II, написавшего на докладе министра известную резолюцию: “Более, чем оригинально”.

Помимо этого, царь написал своему министру народного просвещения генералу Ванновскому следующее письмо: “Петр Семенович, известие о выборе Горького в Академию наук произвело на меня, как и на всех благомыслящих русских, прямо удручающее впечатление. Чем руководствовались почтенные мудрецы при этом избрании — понять нельзя. Ни возраст Горького, ни даже коротенькие сочинения его не представляют достаточного наличия причин в пользу его избрания на такое почетное звание. Гораздо серьезнее то обстоятельство, что он состоит под следствием, и такого человека в теперешнее смутное время Академия наук позволяет себе избрать в свою среду. Я глубоко возмущен всем этим и поручаю вам объяснить, что по моему повелению выбор Горького отменяется. Надеюсь хоть немного отрезвить этим состоянием умов в Академии. Николай”» [20].

от своего почетного членства в Академии. Можно предположить, что и это событие самым прямым образом повлияло на продумывание Горьким идеи Человека Мыслящего.

* * *

Сразу после Февральской революции 1917 года Горький публикует в газете “Новая жизнь” почти ежедневно что-то вроде дневников-комментариев к событиям, происходящим в России. Рубрику для своих текстов он именует “Несвоевременные мысли”. Думаю, что, кроме общности темы в самом широком смысле, — самоопределение человека в крайних жизненных ситуациях — эти статьи ничего общего не имели с “Unzeitgemässe Betrachtungen”, написанных Ф. Ницше в 1872–1876 годах.

Горький связывает февральское событие с реализацией своих надежд на обновление человека, видя в нем предвестника грядущих перемен жизни во всемирном масштабе. Мы снова слышим его идею из поэмы “Человек”: “И всей душой я желал бы русскому народу вот также спокойно и мощно идти все дальше, *все вперед и выше*, до великого праздника всемирной свободы, всечеловеческого равенства, братства” [5]. Обвиняя царизм в бездарности, в том, что власть “старалась затруднить или исказить рост интеллектуальных сил страны”, Горький считал, что самый большой урон был нанесен “человеческому мозгу”, ибо именно “человеческий мозг” был самым опасным врагом для царской власти и ее помощницы церкви, снижение его потенций было задачей правящего режима. Война же, заставляя людей убивать друг друга, ставила и науку как “мозг нации” в зависимость от потребностей милитаризированного воюющего государства. Горький, отвечая на обвинение Иванова-Разумника в том, что он подписал воззвание к немецким ученым, утверждал: “Я готов подписать и еще воззвание, если только оно порицает участие людей науки в братоубийственной и бессмысленной бойне. Когда наука вторгается или насильно вовлечена в кровавую грязь политики, от этого страдает не только чистота и свобода самой науки, — страдают все лучшие идеалы и надежды человечества, уничтожается разум всего мира” [6].

“Человек, идущий выше и дальше”, “головной мозг человека”, “разум всего мира” и многие другие риторические метафоры формулируются в публицистике Горького, становясь образами-идеями, благодаря которым идейный мейнстрим послереволюционной России заявляет о гуманистических стремлениях будущей культуры. Революция, освободив Россию от самодержавия, читаем в “Несвоевременных мыслях”, призвана разрешить *все* проблемы России: закончить наконец войну, поднять экономику, устранить нищету и бедность, возвести на должный уровень искусство и дать возможность ученым преумножать плоды науки. Все проблемы решаемы только тогда, как об этом писал Горький, когда сможет измениться сам человек, его жизнь и труд, в чем большая надежда на науку.

«В Петрограде организовалась “Свободная Ассоциация для развития и распространения положительных наук”» — с таким заголовком вышли “Несвоевременные мысли” Горького в “Новой Жизни” 30 мая (12 июня) 1917 года. Речь в ней шла о создании “Научного института в память 27 февраля” — дня Февральской революции. Можно констатировать, что впервые в новой политической системе России предлагалось создать институцию для расширения и углубления “работы ученых по всем линиям интересов человека, общества — народа, человечества”. Эта была по-своему первая синтетическая программа по реализации интересов человека: “Все науки тесно связаны одна с другой, и все они — стремление человеческого разума и воли к победе над горем, несчастьем, страданиями нашей жизни” [там же]. Первой задачей “Свободной Ассоциации” предполагалась борьба за здоровье населения.

Горький видел необходимость объединения разных научных дисциплин: биологии, медицины, гигиены, сельскохозяйственных наук для решения практических задач по оздоровлению. Он уловил то движение в науке начала XX века, которое теперь называется развитием междисциплинарных связей. Углубление научной мысли, с одной стороны, и контекст поиска идейных подпорок революционным преобразованиям, происходившим в России и желавшим населить постреволюционную Россию “новыми людьми”, — с другой, поддерживали вполне естественнонаучное объяснение умений и успехов человека, ориентированное на исследование структур его мозга и физиологии. “В природе, — говорил Горький, — поскольку мы знаем ее, нет ничего чудеснее человеческого мозга, нет ничего более изумительного, чем процесс мышления, ничего более драгоценного, чем результаты научных исследований” [8, с. 228]⁴.

После октябрьского переворота 1917 года писатель продолжил свои усилия по восстановлению и укреплению науки, несмотря на чудовищное положение населения России, особенно в городах, где собственно и жили ученые. В декабре 1919 года была образована Комиссия по улучшению быта ученых (КУБУ). Она становится одним из центров “оживления” научной жизни в стране. Горький стал ее председателем, вместе с ним работали академики С.Ф. Ольденбург, А.П. Карпинский и другие. Комиссия занималась вопросами о хлебе насущном для профессоров, лаборантов, ассистентов, преподавателей. Сам Горький ходатайствовал перед властью большевиков, писал В.И. Ленину письма с просьбами об освобождении репрессированных ученых. «Усилиями комиссии были спасены десятки жизней тех, кто составлял, по выражению Горького, “мозг народа”, интеллектуальное богатство страны» [15]. С 1921 года, уехав в Европу, Горький переписывался с российскими учеными, представителями самых разных научных дисциплин — его корреспондентами были акад. И.И. Павлов, акад. С.Ф. Ольденбург, акад. А.П. Карпинский,

⁴ Существенно предположение Горького: “Для того, чтобы это важное всенародное дело увенчалось успехом, потребны огромные средства, и они будут, их легко создать, если все люди, способные усвоить величие цели, которую ставит перед собой Свободная Ассоциация ученых, все грамотные люди дадут на это дело хотя бы по рублю” [там же].

акад. А.Е. Ферсман, А.А. Богданов и многие другие деятели науки; основная тема переписки — пути развития российской науки и организация научной деятельности, которая ставит в центр своих интересов развитие человека.

Вернувшись в СССР, Горький взялся за издание журнала “Наши достижения”, институализировавшего пропаганду научных открытий советскими учеными. Спустя неделю после своего возвращения, 5 июня 1928 года, Горький собрал известных ученых Москвы, чтобы обсудить основные направления и темы публикаций в области физики, химии, медицины и других наук, которые должны быть доступны для широкого читателя.

* * *

Все публицистические высказывания постреволюционного времени о человеке и его изучении имели, как мы видели, свои основания в новациях естественных наук того времени. Верно соображение Моники Спивак, написавшей чрезвычайно интересную книгу о проекте Московского института мозга на основе изучения уникальных архивных материалов того времени: “Научная революция захватила весь мир (и Америку, и страны Европы), но в России естествознание получило особо значимый идеологический статус, претендовало на то, чтобы заменить собой запрещенную большевиками религию и дать обоснование преимуществам нового социального строя” [17, с. 38]. Интеллектуальная идея Человека как мыслящего существа со второй половины 1920-х годов получила свое закрепление в ряде создаваемых институций. В 1926 году теоретические работы и опыты по обменному переливанию крови для омоложения человека А.А. Богданова легли в основу созданного по распоряжению Сталина первого в мире Института крови. Институт расположился в доме купца Игумнова на Якиманке, Богданов стал его директором. В том же здании двумя годами ранее была создана лаборатория, в которой началось изучение поступившего туда после смерти в 1924 году мозга В.И. Ленина. Это был научно-исследовательский проект. Его социальные цели состояли в том, чтобы естественнонаучным способом обосновать величие и уникальность вождя мирового пролетариата, с одной стороны, а с другой — открыть мозговые детерминанты “гениальности” как таковой, найти алгоритм формирования этих высших качеств человека и в будущем распространить его среди населения страны Советов. Вопрос распространения “гениальности” требовал отдельных исследований.

Проблема изменения ментальных качеств человека в их материальных основаниях, соединенная с поиском медицинских способов продления его жизни, занимала не только ученых, но и интересовала власти. В 1932 году в Ленинграде по инициативе Горького и при поддержке Сталина был создан Всесоюзный институт экспериментальной медицины (ВИЭМ), который занимался, в том числе проблемой бессмертия человека.

Этот институт продолжил исследования прежнего Императорского института экспериментальной медицины, основателем и попечителем которого до февраля 1917 года являлся принц Ольденбургский. В 1934 году ВИЭМ был переведен в Москву. Заведующий отделом патофизиологии ВИЭМ профессор А.Д. Сперанский был личным другом Горького, посвященным в сложные проблемы семьи и здоровья самого писателя. Опираясь на его воспоминания, П.В. Басинский в своей книге о Горьком приводит рассказ о разговорах во время репетиции той сцены из “Егора Булычева” в Театре им. Евг. Вахтангова, где герой уже близок к смерти, но буйствует и не принимает ее. Вдруг Горький задал неожиданный вопрос Сперанскому: может ли медицина когда-нибудь победить смерть? Сперанский ответил, что продлить жизнь до ста, ста пятидесяти, даже двухсот лет медицина способна, но сделать человека бессмертным не сможет никогда. «“Плохая ваша медицина”, — хмуро сказал Горький. Сильно нажимая на “о”». И далее Басинский, как кажется, точно определяет позицию писателя: “Горький обижен не за себя. За Человека. Человек — его бог! — не может сделать себя бессмертным. Вот что его обижало” [1, с. 410]. Известно также письмо Горького И. Груздеву от 1934 года на эту тему: «Вообще же смерть, в сравнении с длительностью жизни по времени и с ее насыщенностью великолепнейшим трагизмом — момент ничтожный, к тому же лишенный всех признаков смысла. И если это страшно — то страшно глупо. Речи на тему “вечного обновления” и т.д. не могут скрыть идиотизма так называемой природы. Было бы разумнее и экономичней создать людей вечными, как, надо полагать, вечна вселенная, тоже не нуждающаяся в частичном “разрушении и возрождении”. О бессмертии или долголетнем бытии необходимо позаботиться воле и разуму людей. Совершенно уверен, что они этого достигнут» [14]. Как видим, снова в этом вопросе Горький возлагает все надежды на разум человека.

Пути к обретению бессмертия привели ученых в 1920-х годах к проведению экспериментов по пересадке органов и испытанию возможности их “жизни вне организма”. Я не буду останавливаться подробно на этом вопросе, достаточно напомнить сюжеты известных литературных произведений того времени — “Голова профессора Доуэля” А.Р. Беляева, повести М.А. Булгакова “Собачье сердце” и др., которые построены на коллизиях, инспирированных подобными опытами. Результаты экспериментов доходили через газеты до широкой публики, вызывая в основном ее восторг. Интеллигенция оценивала факты “жизни отрезанных голов”, подключенных к приборам, по-разному. М. Горький приветствовал успехи науки и с восторгом отзывался, к примеру, на письмо Б. Рассела, высказывавшего надежду, что в России ученые не остановятся перед необходимостью опытов на человеческом эмбрионе, ибо такие опыты невозможны в Англии, на них наложен запрет по закону [4]⁵.

⁵ Ф.М. Иоффе комментирует эту статью так: «Статья была написана в 1932 году в период организации Всесоюзного института экспериментальной медицины. Она, по-видимому, ставила своей целью связать идею создания этого института с общими проблемами развития советской науки и культуры. Ее полемическое острие было направлено против “граждан” — обывателей, не веривших в возможность победы социализма в нашей стране, в частности, в успехи советской науки. Как всегда, Горький рассматривает проблемы советской науки в сравнении с принципами и положением науки капиталистического мира». Горький имел в виду книгу Б. Рассела “Научное предвидение”, переведенную с его подачи на русский язык в 1931 году.

В рассуждении Иванова-Разумника звучит контекст эпохи. Он писал Андрею Белому: «Сегодня — собака, завтра — отпрепарируют голову человека, приговоренного к “высшей мере наказания” <... > И “включат” ее в прибор. Послезавтра место прибора заступит тело другого человека, тоже приговоренного к “высшей мере” и лишенного головы: голову одного к туловищу другого. Еще шаг — и голова Бетховена будет приложена к туловищу удава. <... > Пусть “завтра” — столетие, “шаг” — миллион верст, но ведь дело в принципе и *первом шаге*. Удивительно, как тупо реагируют “люди науки” на требование этического принципа, как затыкают они уши, слыша это требование» [10, с. 370]. Эти предположения Иванова-Разумника прямым образом предвидят эксперименты нацистов в концентрационных лагерях Второй мировой войны.

* * *

Классовый подход, идеологически принятый Горьким к концу 1920-х — началу 1930-х годов, позволил ему поддержать идею создания Института мозга, с которой в 1927 году выступил академик В. Бехтерев. В книге М. Спивак показано, как интересы науки подчинялись идеологическим установкам и интересам правящей партии большевиков. В июльском письме 1927 года акад. Бехтерева Председателю ЦИК Союза ССР М.И. Калинину подробно объяснялась научная программа этого института и предлагался безошибочный идеологический ход для ее поддержки властями — учреждение Пантеона СССР к десятилетию Великого Октября. Бехтерев предполагал создание института мозга в составе Ленинградской Психоневрологической Академии, в которой будут собирать и изучать мозги великих людей — “драгоценная часть человеческого существа, которая, собственно, и обуславливает творческую деятельность человека” [17, с. 48]. Он также предполагал необходимость психологического сопровождения для создания “портретов” тех людей, чьи мозги исследуются. Соединение в изучении “материального” (мозга) и “личностного” — поведения, характера, темперамента, привычек и т.д. конкретного человека было своего рода новым междисциплинарным проектом в научных исследованиях человека. Судьба этой научной программы, однако, сложилась совсем не так, как представлялось академику Бехтереву. В декабре того же 1927 года Бехтерев неожиданно скончался в Москве, приехав на психоневрологический съезд. Однако его идея создания Пантеона была подхвачена наркомом здравоохранения СССР Н.А. Семашко, который обосновал необходимость создания Института, но не в Ленинграде, а в Москве, в Лаборатории по изучению мозга при Наркомздраве, прежде всего потому, что там уже изучался мозг Ленина под руководством приглашенного из Германии проф. О. Фогта.

Идея Семашко была реализована, Пантеон стал частью ГИМ (Государственного института мозга) в Москве. В 1929 году, по-

мимо работы по изучению мозга, хранившегося в Пантеоне, начался сбор “характерилогического материала” — антропометрических сведений, конституциональных особенностей человека, его психомоторной, психосенсорной, эмоционально-аффективной, волевой и интеллектуальной сфер жизни человека. Этот материал извлекался, а затем обобщался из проведенных опросов по специально составленным анкетам, на них отвечали родные, близкие и друзья “творческих личностей”, мозги которых находились в научной обработке⁶.

В Пантеон стали стекаться мозги советских знаменитостей после их смерти, о чем публично сообщалось в открытой печати. В своей книге М. Спивак дает впечатляющий, но далеко не полный список имен. В июне 1936 года в хранилище Института мозга привозят и мозг А.М. Горького [там же, с. 74—78].

* * *

Подведем итоги. Совершенно очевидно, что начало XX века — время концентрации на идее Человека, осмысление которой происходит в самых разных философских, литературных и научных направлениях или, как это тогда называлось, с “классовых позиций”. Идея эта наполняется содержанием полемизирующих или игнорирующих друг друга участников, обрастает подробностями рискованных экспериментов и позволяет поставить вопрос о границах вмешательства в ее обсуждение как идеологии, так и научных экспериментов на человеке.

Личный опыт А.М. Горького — писателя, публициста и гражданина, принимавшего активное участие как в противодействии (при Ленине), так и в содействии (при Сталине) социальным и интеллектуальным экспериментам, касающимся человека и науки, занимающейся проблемами человека, дает основания думать, что интеллектуальная идея Человека, красиво звучащая в литературном произведении, способна на самые неожиданные трансформации в институциональных и социальных контекстах. Насколько возможно сохранение горьковской интеллектуальной идеи человека как некоего “гуманитарного консерватизма”, опирающегося на рациональные основания его природы? В каком направлении следует искать ответ на вопрос о последствиях далеко идущих трансформаций человека в социальном и научном контекстах и их возможном предотвращении? Так ли безусловна и надежна связь Человека и его Мысли? И достаточны ли основания, чтобы предотвратить безумие, о котором думал и писал А.М. Горький?

На мой взгляд, заданные вопросы актуальны. Для современной мировой науки, как представляется, необходимо умение держать в своей интеллектуальной памяти опыты прошлого. Как возможно в современном мире, где авторитеты не являются авторитетами, услышать голос независимого от социальных и политических противоборств экспертного научного сообщества? Как найти дорогу к соблюдению гуманитарных интересов и от-

⁶ Во второй части книги М. Спивак опубликованы ответы Н.К. Крупской на вопросы анкеты для составления “характерилогического” портрета В.И. Ленина. В третьей части опубликованы материалы из архива Г.И. Полякова, сотрудника института. В ней приводятся “характерилогические” исследования о Владимире Маяковском, Андрее Белом, и Эдуарде Багрицком. В Приложении автор публикует схемы, по которым составлялись вопросы для сбора материала.

дельного человека, и социальных сообществ, и мира в целом? До того времени, когда все силы науки (Мысли, по Горькому) будут направлены на поиск их решения, как мне представляется, еще далеко. Но идея Человека, имеющего интеллектуальное и экзистенциальное право идти “вперед и выше”, не изменяя своему человеческому назначению, к тому обязывает.

Литература

1. *Басинский П.В.* Горький. Сер. ЖЗЛ. М.: Молодая гвардия. 2005.
2. *Брюсов В.* Литература в 1904 году // *Весы*. 1904. № 9.
3. *Горький М.* История русской литературы // *Архив А.М. Горького*. Т. I. М., 1939.
4. *Горький М.* Неизданные произведения. Статьи. Заметки // *Архив А.М. Горького*. Т. XII. М.: ИМЛИ, 1969.
5. *Горький М.* Несвоевременные мысли // *Новая жизнь*. 18 апреля 1917. № 1. URL: http://az.lib.ru/g/gorxkij_m/text_1918_nesvoevremennye_mysli.shtml
6. *Горький М.* О полемике // *Новая жизнь*. 25 апреля 1917. № 6. URL: http://az.lib.ru/g/gorxkij_m/text_1918_nesvoevremennye_mysli.shtml
7. *Горький М.* Переписка с зарубежными литераторами // *Архив А.М. Горького*. Т. VIII. М.: ИМЛИ, 1960.
8. *Горький М.* Речь на публичном заседании Свободной Ассоциации для развития и распространения положительных наук // *Летопись*. 1917. № 5–6.
9. *Горький М.* Человек // *Горький М. Полн. собр. соч.* в 30 т. Т. 6. М.: Наука, 1970.
10. *Иванов-Разумник Р.В.* Письмо Андрею Белому от 24–29 сентября 1926 года // *Переписка Андрея Белого и Иванова-Разумника* / Публ., вст. ст. и коммент. А.В. Лаврова и Дж. Мальмстада. СПб., 1998.
11. Интервью с Л.Н. Толстым // *Русь*. 15 июля 1904. № 212.
12. *Корсаков С.Н.* Иван Тимофеевич Фролов: Жизнь и познание. М.: ЛЕНАНД, 2017.
13. *Крайний Антон (Гиппиус З.Н.).* Летние размышления // *Новый путь*. Июль 1904.
14. Переписка А.М. Горького с И.А. Груздевым // *Архив А.М. Горького*. Т. XI. М.: ИМЛИ, 1966.
15. *Ревакина И.А., Селезнева И.Н.* Трудные дни российской науки. URL: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/rev94vr.htm>
16. *Рильке Р.М.* Огюст Роден // *Роден О.* Завещание. СПб.: Азбука, 2002.
17. *Спивак М.Л.* Мозг отправьте по адресу... М.: Астрель: CORPUS, 2010.
18. *Спиридонова Л.А.* Концепция личности в системе философско-эстетических взглядов М. Горького // *Концепция мира и человека в творчестве М. Горького*. Сер. “М. Горький. Материалы и исследования”. Вып. 9. М.: ИМЛИ РАН, 2009.
19. *Стасов В.В.* Неизлечимый // *Новости и биржевая газета*. 2 октября 1904. № 272.
20. *Сысоев Н.А.* Чехов в Крыму. Симферополь: Крымиздат, 1954.
21. *Фролов И.Т.* Современная наука и гуманизм // *Вопр. философии*. 1973. № 3. С. 3–15.